

РЕПОРТЕР ИЩЕТ СОБЕСЕДНИКА

ПОСМОТРИТЕ на эти снимки. Вы сразу узнаете народного артиста Грузинской ССР, лауреата премии имени К. Марджанишвили Котэ МАХАРАДЗЕ — ведущего актера старейшего в республике театра и популярного комментатора спортивных передач.

Эти две профессии так тесно переплелись в судьбе актера, что трудно сегодня выделить, какой из них он отдает предпочтение. Скорее всего и той и другой, поскольку, как считает он сам, оставаться наедине с микрофоном и миллионами телезрителей такое же искусство, как «чувство публичного одиночества» на сцене.

— Когда внизу под тобой в лучах прожекторов зеленый квадрат футбольного поля и весь стадион дышит, нервно поводя десятками тысяч плеч, строит прогнозы, спорит, весело острит, уже тогда я чувствую, как собираюсь в сгусток энергии, как уходит на второй план все остальное. Остаются наедине двое: спорт и я.

Кто-то однажды подсчитал, что артист провел по радио и

баскетболисты. Эроси Манджгаладзе — первый и лучший грузинский комментатор, зная о том, что я в свое время был капитаном республиканской юношеской сборной по баскетболу, предложил мне выступить. Так и началось. Волновался я страшно. Ведь до этого в спортивном репортаже была целая эпоха Вадима Синявского. Как только в динамиках раздавался его голос: «Внимание, говорит Москва» — вся страна, затаив дыхание, внимала его слову. Он был единственный, умеющий заменить болельщику, который не видит игры, само футбольное зрелище, донести через эфир накал матчей.

... Футбольные репортажи — дело сложное. Каждый комментатор ведет их по-своему. Озеров — артистично, Перетурин — спортивно, Саркисянц — можно сказать, по-журналистски. Котэ Махарадзе тоже индивидуален. Сложилась даже легенда о его удивительной сверхпамяти.

— Нет, феномена здесь никакого нет. Разве возможно все запомнить? Ска-

размышления. Он и блистательный рассказчик, и великолепный собеседник одновременно. А это уже требует дарования. Тут Махарадзе — артист помогает Махарадзе-репортеру, так же как на сцене не дает ему ни минуты передышки. Наоборот: торопит, вводит в роль, заставляет лицедействовать.

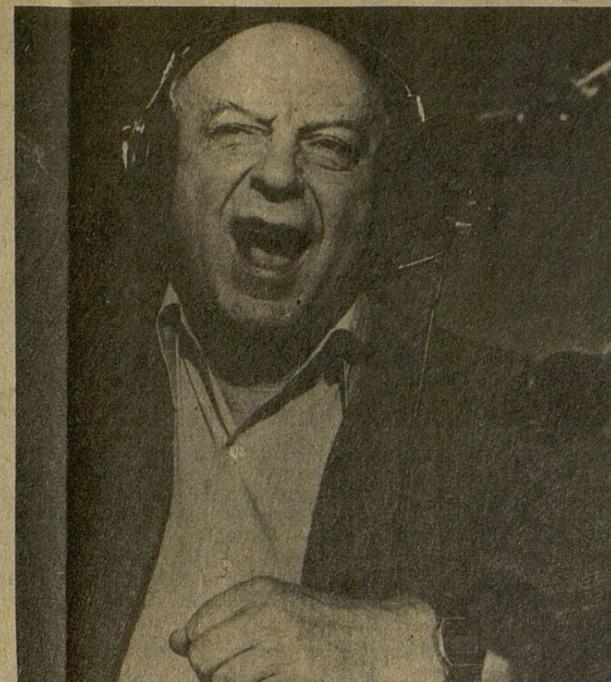
— А вот я вам хочу рассказать, что и здесь не бывает без курьезов. В 1978 году я вел репортажи с чемпионата мира в Аргентине. Зрители нашей страны в один из дней со-

театру. Может быть, и в театре нелегко далась бы в руки Синяя птица. Но...

— Вот здесь мне, действительно, повезло. Наверное, не ошибусь, сказав, что я единственный из моего поколения, кому довелось выходить на сцену с выдающимися артистами и грузинского советского театра. И в театре имени Руставели, и в театре имени Марджанишвили. Я не просто работал под одной театральной крышей с Акакием Хорави, Акакием Васадзе, Тамарой Чавчавадзе,

наны критикой как удача театра.

Например, Каренин. Роман «Анна Каренина» — моя любимая книга. Много было продумано, прочувствовано в процессе работы над ролью. Каренин мне представлялся не традиционным героем — человеком, лишенным чувства, безжалостным. Наоборот, хотелось видеть в нем лучшее, что есть в романе Л. Н. Толстого. Он — нежный муж, любящий, всепрощающий. Он может в самую тяжелую минуту протянуть руку сопернику,

Все мы чувствовали на съезде легкое дыхание раскованности душевных сил, чувствовали, что высказываются множество мнений и принимаются деловые решения.

Сегодня для механизма актерского мастерства созданы все благоприятные условия. Но, уезжая из Москвы, я все же задавал себе вопрос — а стало ли меньше у нас проблем? Где найти ту золотую середину, которая бы разрешила проблему, тревожащую во все времена, проблему актер-режиссер. Думаю, что единовластным повелителем в театре должен быть, вне всякого сомнения, режиссер. Но режиссер, который видит в актере не просто единомышленника, а истинного соавтора, дает ему возможность импровизировать, жить в едином ключе со спектаклем, с партнерами. Как было у меня в работе над спектаклем «Наедине со всеми» с Темуром Чхеидзе. Вот тогда зритель будет с удовольствием идти к нам, переживать вместе с нами, жить с нами, верить нам и в нас. Разве это не главное?

... По вечерам, когда нет спектакля, он любит побродить, собраться с мыслями. Тихо на улице, расположенной в центре Тбилиси. Только ветер осенний облизывает мостовую шорохом сухих листьев. В такие минуты редкого одиночества он думает о том, что завтра он вновь встретится со своим зрителем. Что ему предстоит в зале, сам рассадит. А потом начнет неторопливый рассказ. Первый из серии будет посвящен 150-летию великого Ильи. Потом он подготовит программу о Галактионе. Он мечтает создать постановку о Руставели и Витязе. На русском языке, чтобы ближе познакомить слушателя-зрителя с бессмертной поэмой. В планах — вечер, посвященный Маяковскому и Табидзе. Это будет необычные Владимир Владимирович и Галактион, где в их стихах схлестнется воедино лирика и пафос, гражданственность и песня бессмертия. ...Тихо на улице. Шелест опавших листьев, словно повеет крылом Синяя птица, за которой идешь всю жизнь. Вот уже 60 лет.

Инна ФРИДКИНА.

ГДЕ ИСКАТЬ СИНЮЮ ПТИЦУ

стязаний следили одновременно за ходом двух матчей — ФРГ — Австрия и Голландия — Италия. Один проходил в Буэнос-Айресе, другой — за две тысячи километров от столицы Аргентины, в городе Мендоза. Когда я приехал на Родину, у меня болельщики часто спрашивали, как я мог так «раздобреться», и где я находился в тот час, в каком из городов. Секрета здесь никакого нет. Я сидел в студийной тиши аргентинского телевидения. Передо мной были мониторы, списки составов команд и наушники, где я слышал только голос Москвы, и переключался с одного матча на другой.

ЭТО с детства он уже умел не то чтобы «переключаться», а зная, чего он хочет, до мельчайших подробностей, до самого конца. Сделать выбор и не ошибиться. Найти свою Синюю птицу, и как в старом любимом волшебном спектакле «длинной вереницей пойти за ней, за Синей птицей». Как это трудно. Искать, постигать, верить в свой идеал, находить и терять, побеждать и ощущать горечь неудачи. Какой актер не знал такого пути! Шел по нему и Котэ Махарадзе.

В семь лет он переступил порог балетной студии при тбилисском оперном. И с успехом закончил ее. Однажды даже пришлось исполнять одну из главных балетных партий на сцене театра в балете Делиба «Коппелия». Казалось бы, все уже решено, и судьба ясна. Но нет... уже тогда сердце принадлежало не балету —

Серго Закариадзе, Верико Анджапаридзе, Васо Годзиашвили... — я был их партнером на сцене. Жаловаться грешно...

Акакий Васадзе как-то сказал мне: «Такова судьба актера — помимо всего, ему надо еще попасть в хороший спектакль». Он был прав. Уже сыграно более 100 ролей. Разные герои, непохожие судьбы. Но все-таки разве можно забыть Юлиуса Фучика в спектакле театра Руставели «Люди, я любил вас!» Или Андрес-Кавирия в «Бахтриони» по Важа Пшавела. Это был один из последних спектаклей героико-патетического плана. Додо Алексидзе смог найти новую стилистику, эстетику уходящего жанра. Потом, конечно, нацелился Киквидзе в спектакле «Песня о Соколе», осуществленном М. Туманишвили. Яркое воспоминание тех лет, как исполнитель главной роли А. Васадзе после одного из представлений передал мне свою бурку, башлык и шапку. Я понимал, что принимаю из его рук не просто атрибуты роли.

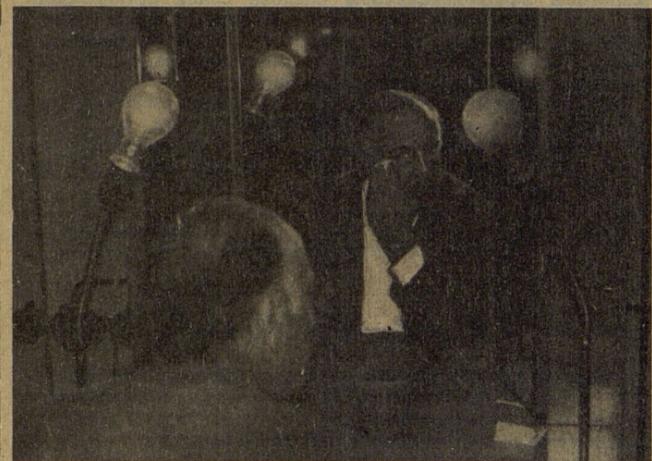
Потом были доктор Бартолуш в «Испанском священнике» Флетчера, Дон Карлос, Антонио Геррачини, Квачи Квачантирадзе, Уриэль Акоста, роли, связанные уже с театром Марджанишвили. Одна из интересных — в спектакле «И все-таки останусь» в этом мире...» по новеллам Н. Думбадзе. Здесь я читал новеллу «Собака».

Как ни странно, но мне нравятся и роли в спектаклях, что не были приз-

приласкать чужого ребенка. Таким я хотел показать его, таким и сделал на сцене. И образ этот, и спектакль люблю.

Своей театральной удачей последних лет Котэ Махарадзе считает роль в спектакле «Наедине со всеми» Гельмана в постановке Темура Чхеидзе. Эту постановку театр посвятил XXVII съезду партии. Работа эта еще раз доказала, как важно, чтобы театр еще и еще раз вник в сегодняшний день, изучал нравственные параметры современника. Каким должен быть театр сегодняшний, его репертуар, как жизнь творческого коллектива может преломиться в судьбе актера — все это волнует К. Махарадзе. На днях он возвратился из Москвы, где принимал участие в съезде Союза театральных обществ СССР, был избран членом правления Союза.

— Прошедший съезд был первым, пожалуй, на моей памяти столь представительным собранием деятелей театра, носивший действительно творческий характер. Первые же серьезные выступления делегатов нарушили привычный настрой благодушия, «мирного» и бесплодного течения заседаний. Правда, многие хотели бы ничего не менять. Но важно, что те, кто мыслит стереотипами, не нашли поддержки у большинства делегатов: съезд в конечном итоге выявил насущную потребность коренным образом изменить положение дел в нашем театре, решительно отместить все рутинное.

телевидению около трех тысяч репортажей. Это и чемпионаты мира и Европы, Олимпийские игры, союзные и республиканские соревнования по разным видам спорта. А помимо этого, отчеты с праздничных парадов в Грузии, театральные встречи, масса других репортажей с многих значительных событий в жизни республики. Голос его узнаваем мгновенно. С чуть заметной хрипотцой, короткими рублеными фразами, пространными отступлениями, щедро приправленными выкладками из истории, статистики. Мимика, жест, темперамент, восторг, от мгновенного фортиссимо до умиротворенного пиано.

— Впервые мне пришлось взять в руки микрофон в 1957 году. В Тбилиси приехали американские

жем, на чемпионате мира более 600 фамилий футболистов, а плюс к этому тренеров, судей и минимум сводки о каждом футбольном клубе. Тренируемая память сама по себе мало что значит для комментатора. Она подракумеваает, что это человек, который мгновенно может формулировать перед микрофоном мысль, импровизировать, не терять выдержку, обладать, я бы сказал, ораторским даром. Ведь что такое в сущности комментатор? Он и автор, и режиссер, и актер одновременно.

Человек у микрофона должен быть в первую очередь личностью, которая имеет право на разговор с миллионы. От него ждут анализа,

13 ДЕК 1986
Заря Востока
г. Тбилиси

116